

Отчетъ о ботаническихъ изслѣдованіяхъ Аб- хазіи за 1890 годъ.

Н. Альбова.

Настоящій отчетъ имѣетъ цѣлю изложеніе главнѣйшихъ ботанико-и геолого-географическихъ результатовъ моихъ изслѣдованій Абхазіи въ 1890 году. Въ теченіе 4-хъ лѣтъ, съ 1888 года по 1891, занимался я изслѣдованіемъ Абхазіи. Первые два года я посвятилъ изученію береговой полосы страны и нѣкоторыхъ ближайшихъ горъ (Ахалибохъ, Акагура, Чедымъ, Санчара). Въ виду того, что всѣ мѣстности, посѣщенные мною за эти годы, довольно хорошо изслѣдованы въ геологическомъ отношеніи и представляютъ мало интереса въ географическомъ, будучи хорошо извѣстными,—я счелъ излишнимъ опубликовать отдѣльные отчеты объ изслѣдованіяхъ этихъ лѣтъ; ботаническіе-же результаты этихъ изслѣдованій, вмѣстѣ съ таковыми-же результатами, добытыми за 1890 и 1891 годы, вошли въ мои спеціальныя ботаническія работы *). Въ 1890 и 1891 г.г. я посѣтилъ многіе до сихъ поръ въ научномъ отношеніи неизслѣдованные уголки Абхазіи, каковы: верховья Мзымты, Сежена и Гвандры, перевалы: Марухъ, Аишха, Хымсы, Гвандра, Глухоръ, Нахаръ, г. Узунколь и многіе другіе пункты Главнаго Кавказскаго хребта и его отроговъ. Нѣкоторые изъ названныхъ мѣстностей мало извѣстны даже въ географическомъ отношеніи. Последнее обстоятельство и побудило меня выступить съ настоящимъ отчетомъ въ „Запискахъ“ Кавказскаго Отдѣла Русскаго Географическаго Общества,—въ предположеніи, что сообщаемыя въ немъ географическія, ботаническія и геологи-

*) См. 1) Н. Альбовъ. Описаніе новыхъ видовъ растений, найденныхъ въ Абхазіи (Труды Одесскаго Отдѣла Общества Садоводства за 1890 г.).

2) Н. Альбовъ. Абхазскіе папоротники (Записки Новороссійскаго Общества Естествоисп. 1891 г. т. XVI, вып. I).

3) Н. Альбовъ. Лѣса Абхазіи. (Записки Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи, 1892 г. № 4).

ческія свѣдѣнія могутъ представить нѣкоторый интересъ для лицъ, занимающихся изученіемъ Кавказа. Отчетъ за 1891 годъ не замедлитъ своимъ появленіемъ въ печати, какъ только будетъ кончена обработка матерьяла.

За лѣто 1890 года я сдѣлалъ 4 большія экскурсіи: двѣ на верховья Мзымты (разными дорогами), одну на г. Апшру и одну черезъ высокіе перевалы Главнаго Кавказскаго хребта, Марухъ и Глухоръ—въ Кубанскую область.

Первую экскурсію, на Мзымту, я предпринялъ въ срединѣ іюня. На верховья Мзымты я рѣшилъ пройти, переваливъ черезъ Бзыбскій хребетъ между г.г. Дзышра и Чипшира и направляясь далѣе по альпійскимъ лугамъ хребта Рюхъ, составляющаго водораздѣлъ между притоками Бзыби, Пшіцей и Лашицѣ. Есть и другой, болѣе легкій путь на Мзымту—черезъ Псхѣ, по долинѣ Бзыби, и далѣе по долинѣ притока Бзыби—Баула. Но я рѣшилъ избрать первый, какъ болѣе интересный въ ботаническомъ отношеніи. Бзыбскій хребетъ еще и ранѣе привлекалъ меня своею крайне оригинальною растительностью, рѣзко различающейся отъ растительности сосѣднихъ хребтовъ: по крайней мѣрѣ, на немъ я встрѣтилъ нѣсколько любопытныхъ эндемическихъ формъ,—изъ нихъ 3 совершенно новыя. Къ новымъ формамъ принадлежатъ слѣдующія альпійскія растенія: *Geum speciosum*, *Scutellaria Helenaе* и *Ranunculus Helenaе*. Новый видъ *Geum*, названный мною *Geum speciosum* за его необыкновенно изящно вырѣзанные листья, стройный ростъ и красивые оранжево-желтые цвѣты, есть чрезвычайно характерное растеніе, выдѣляющееся изъ массы другихъ видовъ *Geum* своими лировидными листьями, съ очень крупною округлою конечною долькой и очень мелкими боковыми дольками; листья собраны розеткой при основаніи стебля, и общій *habitus* растенія напоминаетъ скорѣе сиверзію, чѣмъ *Geum*,—почему этотъ видъ и былъ принятъ мною первоначально за сиверзію и описанъ подъ названіемъ *Sieversia speciosa*; дальнѣйшее изученіе цвѣтка на разныхъ стадіяхъ развитія показало, однако, что это есть *Geum* (столбики здѣсь не цѣльные, какъ у сиверзіи, а съ сочлененіемъ близъ середины). *Scutellaria Helenaе*,—видъ, близкій къ *S. pontica* Koch,—также очень красивое растеніе съ крупными розовыми цвѣтами, которое нигдѣ, кромѣ Бзыбскаго хребта, не встрѣчается. Что касается *Ranunculus Helenaе*,—то это миниатюрное растеньице, встрѣчающееся по окраинамъ таящаго

снѣга, представляет собою въ высшей степени любопытный видъ, рѣзко отличающійся отъ другихъ видовъ *Ranunculus* всѣмъ своимъ *habitus*'омъ; по своимъ мясистымъ корнямъ, собраннымъ пучкомъ при основаніи стебля и по простымъ овально-сердцевиднымъ листьямъ онъ нѣсколько напоминаетъ *Ran. Ficaria*, но отличается отъ него 5-рымъ типомъ цвѣтка *). Чѣмъ объяснить такое странное изолированное (въ ботаническомъ отношеніи) положеніе Бзыбскаго края—не знаю: быть-можетъ, его геологическимъ строеніемъ. Бзыбскій хребетъ весь образованъ юрскими известняками, которые только въ нижнихъ частяхъ хребта подстилаются юрскими же песчаниками,—а известковые хребты, какъ извѣстно, рѣзко разнятся по своей растительности отъ гранитныхъ и сланцевыхъ (срв. Швейцарскую Юру). Растительность альпійскихъ луговъ Бзыбскаго края поражаетъ своею пышностью и разнообразіемъ: растенія, правда, здѣсь не достигаютъ такой громадной величины, какъ на жирныхъ гранитныхъ почвахъ, но зато гораздо изящнѣе ихъ по своей окраскѣ и *habitus*'у. На Бзыбскомъ же краѣ, именно на южномъ склонѣ его, можно наблюдать необыкновенно-высокое поднятіе нѣкоторыхъ вѣчно-зеленыхъ растеній, свойственныхъ теплымъ климатамъ,—главнымъ образомъ лавровишни. Эта чисто-средиземноморская форма забѣгаетъ здѣсь отдѣльными кустами даже на альпійскіе луга, за границу лѣса.—Бзыбскій краѣ представляет собою типичный известковый хребетъ съ многочисленными провалами—такъ-называемыми „колодцами“ и „воронками“, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ чрезвычайной глубины: онъ весь какъ-бы изрытъ ямами, на днѣ которыхъ обыкновенно лежитъ снѣгъ, и представляет вообще чрезвычайно-дивный и негостепріимный видъ. Это обстоятельство, въ связи съ постоянными туманами и дождями, господствующими на хребтѣ, не позволяетъ долго засиживаться на немъ, и заставляетъ волей-неволей выбираться отсюда куда-нибудь въ болѣе привѣтливое мѣсто. Вѣроятно, эта негостепріимная природа Бзыбскаго края побудила абхазцевъ поставить на пер. Дзина, ведущемъ на сѣверную сторону края, жертвенникъ, на которомъ каждый переваливающій хребетъ кладетъ разныя приношенія, вроде монетъ, пуль, цвѣтныхъ лоскутковъ и проч., для умило-

*) Описаніе этихъ новыхъ формъ смотри въ моей статьѣ: „Описаніе новыхъ видовъ растеній, найденныхъ въ Абхазіи въ 1889—1890 г.“ (Труды Одесскаго Отдѣла Россійскаго Общества Садоводства, 1890 г.).

вленія духа горъ, который, въ противномъ случаѣ, можетъ наслать туманъ и погубить нечестиваго путника.

Сѣверный склонъ по лѣсной растительности рѣзко разнится отъ южнаго: мѣжду тѣмъ какъ южный склонъ покрытъ почти чистымъ буковымъ лѣсомъ (ель встрѣчается лишь по глубокимъ ущельямъ), сѣверный поросъ смѣшаннымъ лѣсомъ изъ бука, восточной ели и нордманновской пихты. Ниже, начиная тысячу съ 5—4, попадаютъ: клѣнъ, каштанъ, самшитъ съ подлѣскомъ изъ боярышника, черной бузины, понтійскаго рододендрона, остролиста и лавровишни. Еще ниже встрѣчаются фруктовые деревья (вишня, яблоня, слива), затѣмъ—липа, визиль и другія породы. Граница лѣса на сѣверномъ склонѣ представляетъ большее разнообразіе по составу образующихъ ее породъ, чѣмъ на южномъ: кромѣ кустарнаго бука, рябины, ивняка и *Daphne pontica*, входящихъ въ составъ ея на южномъ склонѣ, здѣсь встрѣчаются еще: береза, орѣшникъ, *Viburnum Lantana*, *Daphne Mezereum*, *Rhamnus alpina* var. *colchica* (Kuzn.) и высокогорный клѣнъ (*Acer Trautvetteri*). На границѣ лѣса поражаетъ необыкновенно пышно развитой бурьянъ, который образованъ здѣсь не изъ щавеля, зонтичныхъ, лилій, колокольчиковъ и проч., какъ на гранитныхъ почвахъ, а изъ красивыхъ съ великолѣпными крупными цвѣтами водосборовъ (*Aquilegia olympica*), аконитовъ (*Aconitum orientale*), *Veratrum'a*, *Alchemilla vulgaris* L., *Valeriana alliariaefolia* и другихъ. Отъ пер. Дзина идетъ спускъ въ долину р. Бзыби, къ мосту Ахаѣха. Спускъ этотъ,—такъ называемая воровская тропа, по которой абхазцы гоняютъ краденыхъ лошадей,—невообразимо сѣверный, и я удивляюсь, какимъ образомъ по нему находятъ возможнымъ проводить лошадей, когда онъ едва доступенъ даже для человѣка: достаточно сказать, что нѣсколько верстъ приходится спускаться по пересохшему ложу потока, усѣянному острыми известковыми гальками, и имѣющему уклонъ не менѣе 35°—40°. Что касается Ахаѣха (въ переводѣ значить: мостъ владѣтеля), то это мѣсто представляетъ одинъ изъ поразительнѣйшихъ уголковъ Абхазіи, подобный которому рѣдко гдѣ можно встрѣтить. Дѣло въ томъ, что ущелье Бзыби въ этомъ мѣстѣ настолько суживается, что образуется чрезвычайно-глубокая и узкая тѣснина, или, вѣрнѣе, даже и не тѣснина, а щель,—ибо она имѣетъ всего сажени 1½—2 въ ширину,—съ совершенно отвѣсными стѣнами, сажень 30—40 вышины, на двѣ которой бѣжитъ быстрая Бзыбь. По-

слѣдней даже и не видно сверху, вслѣдствіе глубины и узости ущелья, и она даетъ себя знать лишь глухимъ рокотаньемъ. Черезъ эту щель переброшенъ очень прочно-устроенный мостикъ. Дорога, высѣченная въ скалѣ, нѣкоторое время идетъ вдоль самаго края обрыва, и необходимо соблюдать большую осторожность, чтобы не упасть въ зіяющую подъ ногами бездну. Тотъ, кто видѣлъ Бзыбъ ниже и выше Ахѣцха, никакъ не повѣрилъ-бы, чтобы такая значительная горная рѣчка могла течь въ такомъ узкомъ ущельи. Ущелье настолько узко, что скалы, расположенныя на противоположныхъ берегахъ, чуть не касаются другъ друга, и геологическія наслоенія однихъ составляютъ непосредственное продолженіе геологическихъ наслоеній другихъ. Вообще это ущелье представляетъ типическое промывное ущелье (cluse Desora). Близъ Ахѣцха находился знаменитый нѣкогда владѣльческій садъ, отъ котораго сохранились теперь слѣды въ видѣ многочисленныхъ плодовыхъ деревьевъ: яблони, вишни, сливы. Замѣчательно также, что близъ Ахѣцха въ лѣсу вмѣстѣ съ *Smilax* о́мъ встрѣчается малина (*Rubus Jdaeus*): первая форма, какъ извѣстно, свойственна исключительно низшимъ регіонамъ горъ, вторая — чисто-высокогорная форма. Отъ Ахѣцха мы прошли къ рѣкѣ Пші́цѣ, впадающей въ Бзыбъ съ правой стороны, и, перейдя черезъ нее, стали подниматься на г. Чмакоойтперхарта, составляющую начало хребта Рюхѣ. Преобладающими лѣсными породами здѣсь были тѣ-же, что и на спускѣ съ Дзина. Граница лѣса также состоитъ изъ бука, орѣшника, рябины, къ которымъ присоединяются еще пихта и ель, нашедшія, вѣроятно, здѣсь для себя благоприятныя условія, и потому забравшіяся такъ высоко. За границей лѣса начинается бурьянъ изъ гигантскихъ борщевниковъ (*Hieracium rubescens*), лилій (*Lilium monadelphum*), аконитовъ, телекій (*Telekia speciosa*), *Campanula lactiflora* и др. типическихъ подальпійскихъ травъ, къ которымъ здѣсь присоединяются еще сорныя травы, занесенныя сюда скотомъ: *Larра*, крапива, щавель, папортникъ-орлякъ и др. Альпійскіе луга Чмакоойтперхарта не представляютъ ничего особеннаго: тѣже типичныя альпійскія растенія, что и на другихъ горахъ: *Betonica grandiflora*, *Aster caucasicus*, *Myosotis alpestris*, *Anemone narcissiflora* и *sulphurea*, *Geranium amethystinum* и проч., къ которымъ здѣсь присоединяется интересный, повидимому, новый видъ *Psephellus*. Скалы хребта, по которому далѣе идетъ дорога, поросли кав-

жаскимъ рододендрономъ, можжевельникомъ-сланцемъ и разными миниатюрными растеньицами снѣжной зоны: *Campanula tridentata*, *Gentiana pyrenaica*, *Sedum tenellum*, *Saxifraga exarata*, *sibirica* и *laevis*, *Androsace villosa*, *Sempervivum pumilum* и др. Дойдя по хребту Рюха до г. Ачха, представляющей отдѣльную вершину его, мы стали спускаться въ долину Лашипсѣ. Спускъ ничего особеннаго въ ботаническомъ отношеніи не представляетъ: за альпійскими лугами слѣдуетъ бурьянъ, затѣмъ—лѣсъ, состоящій почти исключительно изъ пихты и ели. На самой рѣкѣ Лашипсѣ встрѣчаются густыя заросли высокогорнаго клѣна, рябины и горной смородины (*Ribes petraeum*). Нѣкоторое время мы шли бурьяномъ по берегу Лашипсѣ и затѣмъ, дойдя до впаденія въ неё рѣчки Цѣва, повернула къ с.-з. по направленію къ другому притоку Лашипсѣ—Уадхара (Одохара на 5-верстной картѣ). Дорога къ Уадхара идетъ прекраснымъ пихтовымъ лѣсомъ. Берега Уадхара въ нижнемъ ея теченіи также поросли пихтовымъ лѣсомъ; далѣе же они представляютъ альпійскія луговины, чередующіяся съ небольшими перелѣсками изъ бука и орѣшника. На правомъ берегу Уадхара, верстахъ въ 3 отъ впаденія ея въ Лашипсѣ, находится минеральный источникъ (показанный и на 5-верстной картѣ), съ превосходною, насыщенною углекислымъ газомъ, водою, напоминающей вкусомъ зельтерскую. Пройдя нѣкоторое время вдоль берега Уадхара, мы стали подниматься на хребетъ, на которомъ она беретъ начало и который вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ водораздѣлъ бассейновъ Мзымты и Бзыби. Невысокій перевалъ Хехудара, едва достигающій лѣсной границы, незамѣтно переводитъ насъ въ долину Мзымты. Видъ на неё съ перевала необычайно красивъ. Она видна отсюда какъ на ладони. Въ глубинѣ ея чернѣютъ пихтовые лѣса. Справа возвышаются скалистые отроги Главнаго хребта, который сплошной стѣной замыкаетъ долину съ с.-в. Слѣва поднимается высокій (до 10.700,) продольный кряжъ Адзитпуко (Дзитаву 5-верстной карты), покрытый вѣчными снѣгами и ледниками, ограничивающій долину Мзымты съ ю.-з. За нами остался цѣлый лабиринтъ абхазскихъ горъ, совершенно скрывшихъ отъ насъ море и культурную полосу Абхазіи, отъ которой до перевала Хехудара считается около 3 или 4 дней пути. Границу лѣса на пер. Хехудара составляютъ всё тѣ же типичныя для нея породы: высокогорный клѣнъ, букъ, орѣшникъ, рябина, береза. Береза вмѣстѣ

съ кленомъ и ивнякомъ (*Salix Carnea*) образуетъ небольшія рощицы и при спускѣ въ долину Мзымты. Спускъ этотъ былъ для насъ настоящимъ отдыхомъ, такъ какъ долина Мзымты—гораздо болѣе пологая въ сравненіи съ долинами абхазскихъ рѣкъ, и дорога идетъ по ней очень недурная. Вскорѣ мы вступили въ область лѣса, образованнаго здѣсь главнымъ образомъ пихтой и букомъ. Достигнувъ Мзымты, мы направились къ истоку ея—альпійскому озеру Мзымт-адзмѣчъ, или Кардывича, находящемуся у самаго подножія Главнаго хребта. Дорога туда идетъ березовыми рощицами, къ которымъ примѣшивается мѣстами рябина, высокогорный клѣнъ, орѣшникъ, кустарный буекъ, горная смородина, восточная жимолость и черемуха. Озеро, изъ котораго вытекаетъ Мзымта, невелико, но чрезвычайно красиво: вода его голубая и чистая какъ кристалъ. Это озеро питается небольшимъ ледничкомъ, спускающимся съ Главнаго хребта. Озеро окружаютъ съ трехъ сторонъ высокія горы—отроги и склоны Главнаго хребта, на которыхъ видно нѣсколько красивыхъ водопадовъ. Истоки Мзымты представляютъ превосходные альпійскіе луга, поросшіе сочными кормовыми травами, почему абхазцы особенно любятъ гонять сюда свой скотъ на пастбу. Осмотрѣвъ озеро, мы вернулись назадъ и пошли далѣе внизъ по теченію Мзымты. Дорога наша шла сначала по альпійскимъ лугамъ съ разбросанными на нихъ тамъ и сямъ группами высокогорнаго клѣна, а потомъ начала спускаться въ лѣсъ, состоявшій главнымъ образомъ изъ пихты съ подлѣскомъ изъ орѣшника, восточной жимолости, кавказской черники и горной смородины. Верстахъ въ 6 отъ начала этого лѣса, въ руслѣ одного изъ притоковъ Мзымты-Аріешъ, я наткнулся на нѣсколько валуновъ, повидимому кварцитовыхъ съ ярко-блестѣвшею въ нихъ рудой. Заинтересовавшись этой находкой, я сталъ внимательнѣе обслѣдовать ложе Аріешъ,—и въ какіе-нибудь полчаса мнѣ удалось собрать массу другихъ подобныхъ же рудоносныхъ валуновъ. Очевидно, рудное мѣсторожденіе было гдѣ-то здѣсь неподалеку, ибо нѣкоторые валуны достигали громадной величины и не могли быть принесены издалека *). Такъ какъ намъ нужно было очень спѣшить,—у насъ съѣстные припасы всѣ вышли, а до поселеній оставалось еще добрыхъ два дня

*) Руда эта, по анализу, любезно произведенному лаборантомъ Новороссійскаго университета М. Д. Сидоренко, оказалась состоящей изъ смѣси свинцоваго блеска съ антимонитомъ.

пути, то я не сталъ изслѣдовать рудное мѣсторожденіе, отложивъ это до болѣе удобнаго времени, и пошелъ дальше. Вскорѣ дорога наша вступила въ густой под-альпійскій бурьянъ, въ которомъ мы и потерялись совершенно. Такъ какъ не было никакой надежды розыскать дороги въ бурьянѣ, то мы рѣшили подняться на Главный хребетъ и идти альпійскими лугами. Съ этою цѣлью мы направились въ небольшое ущелье, спускающееся съ Главнаго хребта верстахъ въ 5 ниже р. Аріешъ, и поднялись по нему на Главный хребетъ. Въ концѣ этого ущелья мы встрѣтили желѣзистый источникъ; вода его газа не содержала и была непріятнаго вяжущаго вкуса. На альпійскихъ лугахъ Главнаго хребта мы нашли пастуховъ, которые насъ очень любезно приняли и снабдили съѣстными припасами. Переночевавъ у нихъ, мы отправились далѣе. Нѣкоторое время, верстъ 5, мы шли альпійскими лугами, преобладающими растеніями которыхъ являются здѣсь, кромѣ обычныхъ *Betonica grandiflora*, *Geranium amethystinum*, *Hedysarum obscurum* и др.—еще распространенное здѣсь въ огромномъ количествѣ мотыльковое *Coronilla sarradocica*, а также *Linum hirsutum*. Достигнувъ небольшого поперечнаго отрога Главнаго хребта, вслѣдъ за которымъ долина Мзымты быстро понижается, мы стали спускаться съ альпійскихъ луговъ къ Мзымтѣ. Едва мы начали спускъ,—какъ очутились въ густомъ бурьянѣ, въ которомъ опять потеряли дорогу. Я нигдѣ въ Абхазіи не видалъ бурьяна, который достигалъ бы такого мощнаго развитія какъ на Мзымтѣ. Здѣсь онъ представляетъ собой настоящій лѣсъ. Травы достигаютъ въ немъ высоты болѣе сажени и совершенно скрываютъ за собой человѣка. Особенно гигантской величины достигаютъ гераклеумы и другія зонтичныя, акониты (*Aconitum orientale* и *A. variegatum*), живовости (*Symphytum asperrimum*) и кавказскія лиліи (*Lilium monadelphum*). Въ этомъ бурьянѣ я нашелъ также новый видъ *Delphinium*'а, который здѣсь весьма обыкновененъ, но въ другихъ мѣстностяхъ мнѣ не встрѣчался. Я позабылъ упомянуть, что еще раньше, близъ мѣста слиянія р. р. Пѣва и Лашипсѣ, я нашелъ другой новый видъ *Delphinium*'а, крайне оригинальный—съ крупными бѣлыми благовонными цвѣтами, собранными раскидистой метелкой, нѣсколько напоминающій *D. corymbosum* Rgl. и рѣзко различающійся отъ всѣхъ другихъ извѣстныхъ намъ видовъ *Delphinium*.—Наконецъ, намъ удалось кое-какъ пробраться черезъ чащу бурьяна и достигнуть

лѣса. Но здѣсь начались новыя затрудненія. Дороги въ лѣсу мы также никакъ не могли найти, вслѣдствіе чего намъ пришлось идти по нему наудачу. Лѣсная чаща была настолько густа, что приходилось въ ней прорубать себѣ дорогу вѣнчаломъ, а мѣстами—даже ползти ползкомъ подъ деревьями. Наконецъ, послѣ многихъ испытаній намъ удалось достигнуть уроч. Ачхипсоу. Подъ именемъ Ачхипсоу извѣстны поляны по среднему теченію Мзымты, на которыхъ нѣкогда стояли аулы воинственнаго абазинскаго племени—медовеевцевъ. Теперь отъ этихъ ауловъ не осталось и слѣда. Всякій, кто читалъ поэтическія „Воспоминанія Кавказскаго офицера“ (Фонъ-Торнау), въ которыхъ въ такихъ заманчивыхъ краскахъ описывается Ачхипсоу, навѣрное съ грустью остановится на этихъ безлюдныхъ полянахъ, поросшихъ „терніями и волчицами“, которые смѣнили бывшія здѣсь нѣкогда цвѣтушіе сады и нивы съ оживленными аулами, раскиданными среди нихъ. Теперь отъ прежнихъ садовъ остались только отдѣльныя группы грецкихъ орѣховъ и разныхъ плодовыхъ деревьевъ—преимущественно вишни, черешни, яблони и сливы. Авторъ „Воспоминаній“ совершенно правъ, говоря, что нѣтъ въ Абхазіи мѣста красивѣе Ачхипсоу: это поистинѣ райскій уголокъ Абхазіи. Правда, поляны въ среднемъ теченіи Бзыби могутъ соперничать по красотѣ съ Ачхипсоу. Но зато тамъ мѣстность носить болѣе суровый и дикій характеръ, между тѣмъ какъ здѣсь гранитныя и сланцевыя почвы сообщаютъ мѣстности болѣе мягкій колоритъ. Горы здѣсь далеко не такъ обрывисты и неприступны, какъ на Бзыби, и на нихъ очень много зелени и мало скалъ.—Вскорѣ намъ удалось набрести на дорогу, которая привела насъ къ углекислому источнику, находящемуся близъ впаденія въ Мзымту р. Пслухъ и ничѣмъ не отличающемуся отъ таковаго же источника на р. Уадхара. Вслѣдъ за тѣмъ дорога пошла берегомъ Мзымты. Пройдя по ней еще верстъ 10, мы достигли первыхъ человѣческихъ поселеній—колоніи эстонцевъ. Нѣсколько дальше въ томъ мѣстѣ, гдѣ Мзымта образуетъ крутое волѣно, поворачивая на ю.-з., находится греческое селеніе Романовское (Губаа). Отсюда до берега моря остается всего верстъ 60. Отъ Романовскаго къ м. Адлеру, на берегу моря, проложена превосходная въючная дорога, путешествіе по которой намъ казалось прогулкой послѣ тѣхъ ужасныхъ передрагъ, которыя намъ пришлось испытать на абхазскихъ дорогахъ. Единственнымъ затруд-

неніемъ, встрѣтившимся намъ на этой дорогѣ, былъ пер. Ах-цѹ (3495'), не столько высочій, сколько крутой и, вдобавокъ, совершенно-безводный: въ теченіе 5 часоваго перехода намъ не встрѣтилось ни одной капли воды,—а кто путешествовалъ въ горахъ, знаетъ, каково это лишеніе.—Растительность мѣстности между Романовскимъ и Адлеромъ почти ничѣмъ не отличается отъ растительности низменностей и предгорій Абхазіи: то-же преобладаніе граба, дуба и ольхи—внизу и бука и каштана на болѣе возвышенныхъ мѣстахъ.—Достигнувъ Адлера, мы затѣмъ береговой дорогой возвратились въ Гудауты. По пути мы посѣтили Гагры и Пицунду, въ окрестностяхъ которыхъ сдѣлали нѣсколько экскурсій. Растительность между Адлеромъ и Гаграми представляетъ, между прочимъ, тотъ интересъ, что здѣсь на самомъ берегу моря встрѣчаются заросли прутняка (*Vitex Agnus castus*) и ладанника (*Cistus creticus*)—чисто средиземноморскихъ формъ, которыя, вмѣстѣ съ лавромъ, держидеревомъ и барбарисомъ, образуютъ здѣсь характерную растительную формацію береговаго кустарника, до нѣкоторой степени аналогичную Средиземноморскому маквису. По скаламъ близъ Гагръ встрѣчается также отдѣльными группами приморская сосна (*Pinus maritima*),—дерево, рѣдкое въ Абхазіи, которое встрѣчается только здѣсь и въ Пицундѣ; около послѣдней она образуетъ небольшую рощицу на берегу моря. Дорога отъ Гагръ до Гудаутъ идетъ по культурной полосѣ и не представляетъ ничего особеннаго.

Въ первыхъ числахъ іюля, по предложенію моего знакомаго—начальника Гудаутскаго участка Кара-Мурзы, я отправился на г. Апшру, для того чтобы обслѣдовать находящееся тамъ рудное мѣсторожденіе, принадлежащее названному лицу. Г. Апшра представляетъ собою перемычку, соединяющую пер. Бэвилъ-Бгаллара съ г. Ахалибахомъ, одной изъ вершинъ Бзыбскаго кряжа. Мѣсто это было мнѣ довольно знакомо, такъ какъ по близости его я бывалъ уже раза два; однако, рассчитывая найти здѣсь какія-нибудь новыя растенія, которыми вообще такъ богатъ Бзыбскій хребетъ, и кромѣ того заинтересовавшись представлявшейся мнѣ возможностью познакомиться съ характеромъ залеганія руды, я отправился туда. Въ моемъ распоряженіи было 3 рабочихъ съ необходимыми инструментами и достаточное количество пороха. Съ такими средствами я могъ произвести обстоятельныя развѣдки, и мнѣ удалось открыть прево-

сходную залежь руды, которую я прослѣдилъ на значительномъ протяженіи. Руда эта, по опредѣленію М. Д. Сидоренки, представляетъ частью чистый свинцовый блескъ, частью антимонитъ, частью-же минералы, переходные между ними: брунонитъ, цинкенитъ, джемсонитъ. Залегаеть руда въ красныхъ известковистыхъ песчаникахъ и песчанистыхъ известнякахъ, составляющихъ нижній этажъ юрской формаци и соотвѣтствующихъ лейасу и, быть-можетъ, доггеру. Эти песчаники заключаютъ мѣстами небольшіе кусочки горной смолки и бураго угля, и многочисленныя конкреціи известковаго шпата и сѣрнаго колчедана. Послѣдній вмѣстѣ съ образующимся изъ него бурымъ желѣзнякомъ, почти постоянно сопутствуетъ рудѣ. Руда залегаеть не гнѣздами и не жилами, а скорѣе имбибируетъ породу. Иногда порода до такой степени насыщена рудой, что представляетъ какъ-бы сплошной рудный пластъ,—иногда-же руда встрѣчается въ породѣ лишь въ формѣ небольшихъ вкрапленій. Нерѣдко случается, что богатѣйшій рудный пластъ внезапно переходитъ далѣе въ породу, содержащую руду лишь въ формѣ незначительныхъ вкрапленій. Найденное мною мѣсторожденіе находится въ ущельи, спускающемся съ сѣверной стороны Апшры въ долину р. Решавя, лѣваго притока Бзыби; но руда встрѣчается, только менѣе богатыми залежами, также и въ другихъ мѣстахъ на г. Апшрѣ, исключительно въ красныхъ известковыхъ песчаникахъ и рѣже—въ замѣняющихъ ихъ известнякахъ. Совершенно подобная же руда, или, по крайней мѣрѣ, близкая къ ней по составу, была найдена на г. Дзыпра, лежащей по ту сторону Решавя, въ нѣсколькихъ часахъ перехода отъ Апшры, —и тамъ она даже составляетъ въ настоящее время предметъ эксплуатаціи (образовавшейся недавно бельгійской компаніи). Залегаеть она тамъ въ совершенно такихъ же геологическихъ напластованіяхъ, какъ и на г. Апшрѣ. На г. Апшрѣ я пробылъ дней 7 и въ это время успѣлъ обстоятельно познакомиться съ растительностью ея. Особеннаго ничего она не представляетъ. Альпійскіе луга имѣютъ тѣхъ же представителей что и на Бзыбскомъ вряжѣ; лѣсъ на южномъ склонѣ исключительно буковый, а на сѣверномъ состоитъ главнымъ образомъ изъ пихты и ели.

Въ половинѣ іюля я собрался въ новую экскурсію на Мзымту. На этотъ разъ я хотѣлъ болѣе тщательно обследовать найденное тамъ мною рудное мѣсторожденіе, а также болѣе обстоятельно познакомиться съ растительностью Главнаго хребта,

на которомъ я предполагалъ провести нѣсколько дней. На этотъ разъ я избралъ другую дорогу, болѣе удобную, именно—черезъ Пеху, въ виду того, что я хотѣлъ взять съ собой лошадь. На Пеху я спустился черезъ переваль Бѣкиль-Бгаллара и затѣмъ пошелъ внизъ по теченію Бзыби, по прекраснымъ полянамъ, которыя были нѣкогда мѣстами абхазскихъ поселеній. Здѣсь въ настоящее время господствуетъ такая же мерзость зауствнія, какъ и на Ачхипсоу. Тѣмъ не менѣе мѣстность остается все-таки замѣчательно-красивой, чему, разумѣется, содѣйствуютъ необыкновенно величественныя горы, замыкающія долину Бзыби съ боковъ. Достигнувъ р. Баула, впадающаго въ Бзыбъ съ правой стороны, мы повернули въ его долину и продолжали идти нѣкоторое время по такимъ же ровнымъ полянамъ, чередовавшимся съ орѣховыми и осиновыми рощцами. Среди густыхъ зарослей сорныхъ и луговыхъ травъ, покрывающихъ эти поляны, возвышались группы грецкихъ орѣховъ и разныхъ плодовыхъ деревьевъ. Наконецъ мы достигли мѣста, гдѣ долина Баула начинаетъ сильно суживаться и повышаться. Мы продолжали подниматься по ущелью Баула, пока наконецъ не достигли истоковъ его. Бауль беретъ начало на невысокомъ отрогѣ Главнаго Хребта, который въ видѣ перемычки связываетъ упоминаемую выше г. Ачхъ съ одной изъ вершинъ Главнаго Хребта, г. Курджійшха. Этотъ отрогъ служитъ водораздѣломъ р.р. Баула и Лашипсѣ. Начиная съ верховьевъ Баула, мы вступили въ область развитія аспидныхъ и глинистыхъ сланцевъ. Въ этихъ сланцахъ попадаются большіе желваки и жилы кварцита, мѣстами загрязненнаго водной окисью желѣза, мѣстами же переходящаго въ прекрасный, чистый молочный кварцъ съ гнѣздами горнаго хрустала. Эти сланцы слагаютъ также и близъ лежащія горы, представляющія отроги Главнаго Хребта. Пер. Хѣхудары (съ Лашипсѣ на Мзымту) также сложенъ глинистыми сланцами. Достигнувъ пер. Пѣва, —такъ называется переваль, ведущій съ верховьевъ Баула на Лашипсѣ—мы спустились въ долину Лашипсѣ, а оттуда прежней дорогой прошли черезъ пер. Хѣхудары на Мзымту. На Мзымтѣ мы не останавливались, а прямо направились внизъ по ея теченію къ мѣсту впаденія въ нее р. Аріешъ. На Аріешъ я рѣшилъ сдѣлать привалъ и начать свои изслѣдованія отсюда. Въ первый день я успѣлъ обслѣдовать только нижнее теченіе Аріешъ. На слѣдующій день мы снялись съ лагеря и, пройдя нѣсколько верстъ далѣе за

Аріешъ, поднялись на альпійскіе луга, не подалеку отъ упоминаемаго выше желѣзистаго источника. Узнавъ отъ находившихся тамъ пастуховъ, что отсюда можно смѣло даже съ лошадыю подняться на самый гребень Главнаго Хребта, мы рѣшили подняться на гребень и идти затѣмъ по нему до самыхъ истоковъ Аріешъ, чтобы, достигнувъ ихъ, спуститься внизъ по теченію Аріешъ къ мѣсту нашей прежней стоянки. Такимъ образомъ мы имѣли бы возможность изслѣдовать строеніе породъ, слагающихъ Главный Хребетъ на протяженіи всего теченія р. Аріешъ. Такъ мы и сдѣлали. За день мы, однако, не успѣли совершить всего предположеннаго пути, и ночь захватила насъ въ альпійской котловинѣ, близъ гребня Главнаго Хребта. Ночью поднялся страшно-холодный вѣтеръ съ снѣжныхъ высотъ Главнаго Хребта, отъ котораго не могли насъ спасти наши бурки. Не смотря на то, что мы лежали, тѣсно прижавшись другъ къ другу, всю ночь мы дрожали отъ холода, который исчезъ только съ появленіемъ солнца. На слѣдующее утро мы поднялись на самый гребень Главнаго Хребта, откуда открылся передъ нами величественный видъ, съ одной стороны—на Кубанскую область, а съ другой—на горы Абхазіи и Черноморскаго округа. На Кубанской сторонѣ одни за другими тѣснились высокіе хребты, за которыми далѣко—далѣко видѣлись, въ видѣ туманной полосы, Кубанскія степи. На Черноморской сторонѣ видѣлся безпорядочный лабиринтъ горъ, за которымъ разстиралось вдали подернутое туманной дымкой море. Такъ какъ идти по хребту съ лошадыю оказалось немислимымъ, то мы лошадыю отправили по альпійскимъ лугамъ, а сами пошли вдоль гребня, тщательно изслѣдуя попадавшіяся породы и вмѣстѣ съ тѣмъ гербаризируя. Главный Хребетъ сложенъ въ этомъ мѣстѣ (т. е. между г.г. Айшха и Бырдзѣ) исключительно аспидными сланцами, которые нѣсколько ниже гребня прорываются гранитами, а также и другими огненными породами, ближе пова не опредѣленными. На г. Бырдзѣ въ аспидныхъ сланцахъ залегаютъ массивы какой-то зеленоваменной породы съ узкими кварцевыми жилами, въ которыхъ нерѣдко встрѣчается мѣдный колчеданъ. Руда, которую я нашелъ внизу на Аріешъ, залегаеъ въ совершенно такихъ же кварцевыхъ жилахъ и въ подобныхъ же породахъ, но я тщетно искалъ ея здѣсь. Что касается растительности гребня Главнаго Хребта, то она образована здѣсь миниатюрными растенъицами снѣжной зоны—глав-

нымъ образомъ *Saxifraga exarata*, *S. carthilaginea* и *S. laevis*, *Sedum tenellum*, *Alsine recurva*, *sibbaldia parviflora*, *Ranunculus suaneticus* Rupr., *Sempervivum pumilum* M.B.

Растительность альпійскихъ луговъ ничего особеннаго не представляетъ. Ниже, близъ границы лѣса, на нихъ встрѣчается масса казацкаго можжевельника (*Juniperus labina*), можжевельника-сланца (*J. nana*), *Cotoneaster Nummularia*, разныхъ альпійскихъ розъ (*Rosa mollissima* и *iberica* v. *pumila*), малины, черники и альпійской смородины (*Ribes alpinum*), а на самой границѣ лѣса вмѣстѣ съ рябиной, альпійской смородиной и черной калиной (*Viburnum Lantana*) встрѣчена была мною между прочимъ дикая черешня; послѣднее дерево, не смотря на такую высоту (около 6000') приносило вполне зрѣлые плоды. Пройдя нѣкоторое разстояніе вдоль по гребню, мы стали спускаться къ р. Аріешъ. Не подалеку отъ мѣста нашей прежней стоянки, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ сливаются всѣ три истока Аріешъ, мы заночевали и на слѣдующій день отправились въ новую экскурсію—къ верховьямъ главнаго истока Аріешъ, берущаго начало на Главномъ Хребтѣ близъ г. Лайубъ. Идя вверхъ по теченію Аріешъ по неглубокой альпійской долинкѣ, мы незамѣтно поднялись на гребень Главнаго Хребта, который мы тщательно и обследовали. Здѣсь развиты тѣ же породы, что и на г. Бырдзѣ. Въ нихъ я нашелъ въ небольшомъ количествѣ руду вмѣстѣ съ сѣрнымъ волчеданомъ и бурымъ желѣзнякомъ. На другой день я обследовалъ два другихъ истока Аріешъ, и мнѣ удалось здѣсь найти богатые залежи руды. Надо сказать, что русла правыхъ двухъ истоковъ Аріешъ рѣзко разнятся по своему характеру отъ русла главнаго истока его: несмотря на то что каждый изъ правыхъ истоковъ почти втрое короче послѣдняго, русла ихъ необыкновенно глубоки. Эти русла даже мало напоминаютъ русла рѣчекъ. Спрашивается, откуда могла взяться масса воды, которая промыла такія глубокія русла (сажень 20—30 мѣстами) и нагромодила въ нихъ такіе громадныя валуны? Я тщательно обследовалъ всѣ попадавшіеся валуны и сравнивалъ ихъ съ близъ лежащими породами и съ породами, залегающими выше истоковъ. Съ послѣдними они не имѣли со всѣмъ сходства, но зато представляли большое сходство съ тѣми массивами огненныхъ породъ, которые залегаютъ въ глинистыхъ сланцахъ по бокамъ русла обоихъ правыхъ истоковъ Аріешъ. Слѣдовательно, они были несомнѣнно оторваны отъ

этихъ послѣднихъ. Но какая же сила могла оторвать эти громадные валуны и прорыть такія глубокія русла? Несомнѣнно, это могъ сдѣлать только ледникъ. По всей вѣроятности, это былъ фирнъ-глетчеръ круто-спускавшійся съ Главнаго Хребта въ долину Мзымты. Къ такому заключенію, по крайней мѣрѣ, приводитъ весь общій видъ русла р. Аріешъ, совершенно загроможденнаго валунами, расположенными, вдобавокъ, градами, очень напоминающими боковыя морены.—На этомъ я и закончилъ свои геологическія обследованія р. Аріешъ и немедленно послѣ этого собрался въ обратный путь. До пер. Пѣва мы шли той же дорогой; но отсюда рѣшили попробовать пройти другой дорогой черезъ г. Ачхá. Дорога все время идетъ по альпійскимъ дугамъ этой горы и гораздо менѣе удобна, чѣмъ дорога по Баулу. Переваливъ г. Ачхá, она переходитъ на отрогъ этой горы, составляющій водораздѣлъ бассейновъ р. Пшіца и правыхъ притоконъ Баула. Отсюда начинается очень неудобный спускъ—сначала по густому бурьяну, а затѣмъ по частому смѣшанному лѣсу въ долину Бзыбы, именно—въ урочище Рыгдзá. Достигнувъ урочища Рыгдзá, мы уже обычнымъ путемъ, черезъ Пеху, вернулись въ Гудауты.

6-го августа я предпринялъ свою четвертую и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднюю экскурсію. Я задумалъ пробраться на Марухскій переваль, съ тѣмъ чтобы оттуда спуститься въ Кубанскую область, и черезъ Глухорскій переваль вернуться обратно въ Абхазію. Въ эту экскурсію я отправился въ многочисленной компаніи, состоявшей изъ сухумскаго лѣсничаго фонъ-Дервиза и его помощника Мурзина, студента Харьковскаго Университета Гиршмана и двухъ нѣмецкихъ путешественниковъ—Дика и фонъ-Клинга. Но изъ всей этой компаніи Марухскаго перевала удалось достигнуть лишь мнѣ и студенту Гиршману съ двумя проводниками: всѣ остальные отстали по дорогѣ вслѣдствіе болѣзни или утомленія. Этотъ фактъ достаточно ясно говоритъ о томъ, какія трудности приходилось преодолевать намъ на пути. Достигнувъ Цебельды, мы стали подниматься на хребетъ, составляющій водораздѣлъ притоконъ Кодора-Джимпаль-Амтгьяла и Амтгьяль-Ачадора. Мы шли по извѣстной скотопрогонной тропѣ, по которой туземцы гоняютъ свой скотъ на альпійскія пастбища Лахты, Кула́мбо, Ачадора и другихъ горъ, сосѣдствующихъ съ Главнымъ Хребтомъ. Дорога, поэтому, была сравнительно недурная, хотя наши спутники-нѣмцы отказались итти дальше, едва до-

стигнувъ г. Лахты, составляющей высшій пунктъ поднятія упомянутого хребта (около 8000'). Растительность хребта не представляетъ ничего особеннаго. Весь хребетъ, до г. Лахты, покрытъ прекраснымъ дѣвственнымъ лѣсомъ, состоящимъ главнымъ образомъ изъ бука. Выше попадаетъ пихта. На границѣ лѣса, между другими, обычными для этой полосы, породами, мы нашли понтійскій дубъ и новую для Кавказа разновидность *Sorbus Aria*—var. *concol.* На г. Лахтѣ начинаются альпійскіе луга, растительность которыхъ не представила для насъ ничего новаго, за исключеніемъ красиваго вида шафрана—*Stocus schagajani*, который мѣстами образовывалъ сплошной оранжево-желтый коверъ.

Что касается геологическаго строенія хребта, то онъ образованъ въ нижнихъ своихъ частяхъ плотными юрскими известняками и красноватыми песчаниками. Выше попадаетъ любопытный раковистый известнякъ, состоящій почти сплошь изъ нериней (по мнѣнію Н. И. Андрусова онъ относится къ юрской или мѣловой формации), а на самой г. Лахтѣ господствуютъ изверженные породы, именно—мелофиръ и новѣйшая лава (Лахтѣ, какъ извѣстно, считается потухшимъ вулканомъ). Отъ г. Лахтѣ начинается чрезвычайно-крутой и свѣрный спускъ въ верховьямъ рѣки Джимпаль-Амтгьяль. Этотъ спускъ носитъ названіе Пардгьяль. На Пардгьялѣ сильно развиты древнія огненные породы, именно—граниты свѣжно бѣлаго цвѣта и тонкозернистаго строенія, прорывающіе глинистые, аспидные и кровельные сланцы. Эти сланцы, вмѣстѣ съ залегающими въ нихъ массивами гранитовъ и разныхъ вулканическихъ породъ, слагаютъ всѣ горы, лежащія между Пардгьяломъ и Главнымъ Хребтомъ. Съ верховьевъ Джимпаль-Амтгьяля начинается очень крутой подъемъ на г. Куламбо. На г. Куламбо мы встрѣтили близъ границы лѣса, на высотѣ приблизительно отъ 6000 ф., значительныя насажденія понтійскаго дуба (*Quercus roptica*), который такимъ образомъ оказывается весьма распространенной породой лѣса въ Абхазіи (я встрѣчалъ его ранѣе еще на пер. Ачавчара (по дорогѣ къ Пеху), на Главномъ Хребтѣ близъ перевала Санчара и, какъ упомянулъ выше, на г. Лахтѣ. Начиная съ Куламбо, путь нашъ пошелъ уже исключительно альпійскими лугами. Мы шли по склону хребта Теймъазъ. Дойдя до истоковъ р. Амтгьяль—Ачадара, мы обогнули хребетъ и перешли на верховья р. Адгары, притока Кодора, которая

отдѣляются отъ Ачадара лишь небольшою плоскою возвышенностью. Достигнувъ Ацгары, мы вступили въ область лѣса, начинающагося здѣсь зарослями вустарнаго бука, березы и понтійскаго дуба, между которыми попадаетса также можжевельникъ (*Juniperus Communis*), черника, малина и костеника (*Rubus saxatilis*). Дальше идетъ превосходный пихтовый лѣсъ, очень рѣдкій и чистый, напоминающій скорѣе паркъ, чѣмъ лѣсъ. Недалеко отъ начала лѣса, на лѣвомъ берегу Ацгары, находится желѣзистый источникъ съ водою сильно вяжущаго вкуса. Достигнувъ мѣста слиянія Ацгары съ р. Марухомъ, мы перешли на другой берегъ Ацгары и направились далѣе вверхъ по Маруху, который беретъ начало на самомъ Главномъ Хребтѣ. Въ скоромъ времени мы достигли подножія Главнаго Хребта. Мы продолжали подниматься дальше по ущелью Маруха, очень широкому и пологому. Недалекѣ отъ начала ущелья есть прелестный водопадъ: вода низвергается здѣсь съ высоты сажень 15 широкою струей, разбиваясь при паденіи въ мелкую пыль. Пройдя границу лѣсной полосы, приходится еще нѣкоторое время подниматься по альпійскимъ лугамъ. Затѣмъ начинается подъемъ на Марухскій ледникъ. Конечная морена его очень велика и трудно-проходима. По самому же леднику идти сравнительно легко. Мѣшаютъ только частыя трещины во льду, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ значительной глубины. Кромѣ того, на ледникѣ встрѣчается масса такъ называемыхъ „колодцевъ“, очень глубокихъ и чрезвычайно-опасныхъ. Ледъ съ поверхности матово-бѣлый, а въ трещинахъ—прелестнаго голубаго цвѣта. Внизу ледникъ заваленъ массою камней, которые совершенно маскируютъ его; вверху же—сравнительно чистый. Ледникъ полонъ шумнаго оживленія: по всей его поверхности струятся, съ мелодическимъ журчаніемъ, многочисленные ручейки, которые прорываютъ во льду неглубокія канавки. По леднику мы шли 1½ часа и прошли его весь, вплоть до начала его изъ фирноваго поля. Здѣсь мы начали подниматься на перевалъ, возвышавшійся передъ нами крутой невысокой стѣной. Подъемъ сравнительно очень легкой и мы его сдѣлали всего въ 20 минутъ. Съ перевала отерывается превосходный видъ на горы Абхазіи. Прямо напротивъ возвышается обрывистый хребетъ Теймáзъ, сверкающій своими ледниками. Направо и налѣво возвышаются скалистые отроги Главнаго Хребта, также покрытые вѣчными снѣгами и ледниками. На Кубанской

сторонѣ ближнія высокія горы закрываютъ видъ; рельефно обрисовывается только широкая и прямая, какъ стрѣла, долина р. Маруха, ограниченная съ боковъ высокими хребтами. Главный Хребетъ сложенъ здѣсь главнымъ образомъ различными огненными породами: гранитами, сіенитами, лавами, гринштейнами, а также слюдяными и хлоритовыми сланцами. Съ перевала мы стали спускаться съверной скалистой тропинкой въ долину, гдѣ лежитъ огромный Марухскій ледникъ. Марухскій ледникъ, по словамъ нашего знатока ледниковъ Динника, есть самый большой въ Кубанской области и среди Кавказскихъ ледниковъ занимаетъ четвертое мѣсто. Ледникъ питаетъ огромное снѣжное поле, лежащее въ обширномъ кратерообразномъ циркѣ къ востоку отъ перевала. Мы спустились приблизительно на среднюю часть ледника, и, не смотря на это, намъ пришлось идти ледникомъ не менѣе 3-хъ часовъ, прежде чѣмъ мы достигли его конца. Марухскій ледникъ имѣетъ чрезвычайно-угрюмый и дикій видъ. На наше несчастье, при спускѣ поднялся, въдобавокъ, сильный туманъ, скрывшій отъ насъ окрестныя горы, за которыми намъ ничего не было видно, кромѣ безконечнаго ледянаго пространства съ разсѣянными по немъ обломками скаль. Тамъ и сямъ, въ болѣе или менѣе глубокихъ канавкахъ, или кривасахъ бѣжали ручейки, и бурлила вода въ глубокихъ мельницахъ и колодцахъ. Трудно было представить себѣ картину болѣе дикую и непривѣтливую: настоящая полярная пустыня. Дойдя до конца ледника, намъ пришлось переваливать черезъ огромную конечную морену или, вѣрнѣе, черезъ нѣсколько конечныхъ моренъ, возвышавшихся одна за другой въ видѣ высокихъ валовъ и указывавшихъ на постепенное отступаніе ледника. Затѣмъ мы вступили на куполообразныя возвышенія, покрытыя альпійской растительностью и представлявшія собою типичныя domes arrondis, образованныя прежнею дѣятельностью ледника. Послѣ этого дорога пошла по долинѣ р. Маруха, вдоль его лѣваго берега, и ничего особеннаго не представляла. Пройдя по ней верстъ 10, мы достигли лѣсной границы. Если альпійская растительность съвернаго склона Главнаго Хребта пока не представляла для насъ замѣтныхъ отличій, то разница въ лѣсной растительности съвернаго и южнаго склона рѣзко бросалась въ глаза. Границу лѣса здѣсь составляли сосны (*Pinus silvestris*) и небольшія заросли березы и ивняка. Сосна, какъ извѣстно, въ Абхазіи встрѣчается довольно рѣд-

ко *); здѣсь же она образовывала сплошныя насажденія. Здѣсь у насъ случилось непріятное приключеніе: карачаевскіе пастухи украли нашихъ лошадей. Мы должны были потерять цѣлый день на розыскиваніе ихъ и выдержать съ пастухами цѣлое словесное сраженіе, при чемъ чуть было не было пущено въ дѣло оружіе. Далѣе мы продолжали путь благополучно. Пройдя еще верстъ 10 по ущелью, мы взяли проводника изъ карачаевцевъ и съ нимъ направились въ верховьямъ р. Теберды — одного изъ притоковъ Кубани — чтобы оттуда пройти на Глухорскій перевалъ. Намъ пришлось перевалить два высочайшихъ хребта (до 8000' каждый), которые представляли поперечные отроги Главнаго Хребта, отходившіе отъ него почти подъ прямыми углами. Съ этихъ отроговъ превосходно виденъ Эльбрусъ, находящійся отсюда, по прямой линіи, всего верстахъ въ 70, который представляется отсюда въ видѣ круглой снѣжной шапки съ двумя черными скалистыми вершинами. Двуглавою формы его отсюда, къ сожалѣнію, нельзя видѣть, такъ какъ онъ представляется въ профиль. Горы, по которымъ намъ пришлось идти, образованы почти исключительно темнобурыми кварцевыми конгломератами, почему онѣ кажутся издали красными. Поражаетъ необыкновенная мягкость очертаній кубанскихъ горъ въ сравненіи съ абхазскими. Вѣроятно, это зависитъ отчасти отъ состава слагающихъ ихъ горныхъ породъ, которыя не такъ легко вывѣтриваются, отчасти — отъ болѣе сухаго климата Кубанской области. Въ составъ лѣса покрывающаго ущелья р.р. Ахсаута, Марка и Муху, которыя намъ пришлось пересѣкать, кромѣ упомянутыхъ выше сосны и березы, входятъ также, въ качествѣ существеннаго элемента, черемуха, образующая мѣстами, вмѣстѣ съ разными вустарниками — (альпійской и горной смородиной (*Ribes-alpina et petraea*), черной калиной (*Viburnum Lantana*), крыжовникомъ и барбарисомъ), — обширныя и трудно проходимыя заросли. На р. Муху, тысячахъ на 6—5, къ лѣсу присоединяется Нордманновская пихта, а ниже — дубъ, букъ, каштанъ и плодовые деревья (яблоня, груша, черешня). На р. Тебердѣ близъ впаденія въ нее р. Муху, господствуетъ главнымъ образомъ смѣшанный лѣсъ, состоящій преимущественно изъ сосны, тисса, бука и другихъ породъ, къ которымъ пихта примѣшивается лишь отдѣльными деревьями; далѣе же по Тебердѣ

* По р. Чхалтѣ и Кодору, на Бзыбскомъ хребтѣ, на г. Мамдышка.

идутъ прекрасныя чистыя насажденія пихты. Достигнувъ Теберды, мы пошли вверхъ по долинѣ ея, по направленію къ Глухорскому перевалу. Здѣсь идетъ прекрасная верховая дорога, проложенная недавно правительствомъ и пока еще недоведенная до конца (осталось додѣлать еще верстъ 5) *). На Глухорскомъ перевалѣ она соединяется съ такою же дорогой, идущей къ перевалу изъ Сухума. Долина Теберды необычайно-красива. Я не видалъ еще до сихъ поръ мѣста красивѣе ея. Долина Теберды очень широкая (не менѣе версты шириной) и вся поросла превосходнымъ высокоствольнымъ хвойнымъ лѣсомъ. Съ боковъ она ограничивается высокими хребтами, увѣнчанными на верхушкѣ причудливыми скалами, напоминающими развалины какихъ нибудь замковъ. Съ юга долину замыкаетъ одѣтый вѣчными снѣгами и ледниками Главный Хребетъ, на которомъ особенно рельефно обрисовывается одна конусообразная снѣжная вершина (Домбай-Ульгенъ). Вообще долина Теберды, даже по словамъ знатоковъ Кавказа, представляетъ рѣдкое по красотѣ мѣсто на Кавказѣ, и, въ виду своей легкой доступности, смѣло можетъ быть рекомендована для туристовъ. Въ послѣднее время сюда начали направляться нѣкоторые чахоточные больные, которые съ успѣхомъ лечатся здѣсь. Воздухъ этой довольно высоко-лежащей надъ уровнемъ моря долины (до 4,500' выс.) необычайно-чистый и живительно дѣйствующій на организмъ. Климатъ же сравнительно мягкій и сухой, и тѣхъ ужасныхъ лихорадокъ, которыми славится Сухумъ, здѣсь нѣтъ и помину. Для насъ дорога къ Глухорскому перевалу казалась пріятнымъ отдыхомъ послѣ перенесенныхъ нами трудностей. Самый Глухорскій перевалъ гораздо круче Марухскаго. Можетъ быть, когда будетъ окончена казенная дорога, на него будетъ легче подниматься; но теперь онъ показался намъ гораздо болѣе труднымъ для подъема, чѣмъ Марухъ. Высота Глухорскаго перевала принимается около 9500'. Съ перевала открываются грандіознѣйшіе виды на Абхазію и Кубанскую область. Кругомъ тѣснятся высокія скалистыя горныя вершины (до 13.000' высоты), на которыхъ мѣстами сверкаютъ вѣчные снѣга и ледники. По увѣренію знатоковъ Кавказа, Глухорскій перевалъ, по своей красотѣ и грозному величію, стоитъ неизмѣримо выше знаме-

*) Она начинается отъ гор. Баталпашинска. Почти на всемъ протяженіи (за исключеніемъ только послѣднихъ 30 верстъ къ перевалу) она доступна ѣздѣ въ экипажахъ.

нитой военно-грузинской дороги. Последняя, будто-бы, кажется послѣ него игрушкой. Глухорскій переваль слагается частью обыкновенными бѣлыми гранитами, частью пегматитомъ, въ которомъ попадаются великолѣпныя пачки мусковитовой слюды, достигающей величины въ кв. верш. Пегматитъ намъ встрѣчался и раньше, въ Кубанской области, верстахъ въ 15 отъ Глухорскаго перевала. На сѣверномъ склонѣ, къ востоку отъ перевала, съ невысокой скалистой вершины спускается небольшой фирнъ-глетчеръ, питающій альпійское озеро, изъ котораго вытекаетъ Теберда. На южномъ склонѣ отъ перевала спускается ледникъ нѣсколько большаго размѣра весь заваленный камнями, дающій начало Клычу, притоку Кодора. По этому леднику намъ и пришлось спускаться въ долину Клыча, такъ какъ на дорогѣ въ это время производились работы порохомъ, и по ней идти было опасно. Спустившись въ Клычу, мы случайно наткнулись на расположившагося здѣсь лагеремъ итальянскаго путешественника, профессора ботаники въ Медикофизической Академіи во Флоренціи, Эмиля Левье. Эмиль Левье, оказалось, пріѣхалъ сюда изъ Сванетіи, гдѣ онъ собралъ значительныя ботаническія коллекціи (съ нимъ было около десятиа вьючныхъ лошадей, нагруженныхъ исключительно бумагой), и направлялся отсюда въ Кубанскую область, въ г. Эльбрусу. Дорога съ альпійскихъ луговъ вскорѣ перешла въ пихтовый лѣсъ, которымъ поросли склоны узкаго и скалистаго ущелья Клыча. Здѣсь я нашелъ три новыхъ для Кавказа растений: два плауна *Lycopodium clavatum* и *L. opnotinum* и одинъ очень рѣдкій попортникъ — *Phegopteris Robertiana*. Въ составъ лѣса, кромѣ пихты, входятъ: буекъ, высокогорный клѣнъ, горный ильмъ (*Ulmus montana*), рябина, горная смородина, черная калина (*Viburnum Lantana*), *Rhamnus alpina* var. *colchica* kuzn. и другія породы. Начиная съ 4.000' пихта исчезаетъ, хотя отдѣльные экземпляры ея попадаются и ниже, — даже въ долину Кодора, за Чхалтой, — и лѣсъ является состоящимъ изъ бука и каштана, съ незначительной примѣсью другихъ породъ. Что касается геологическаго строенія, то въ началѣ ущелья Клыча господствуютъ слюдяныя сланцы (біотитовые и мусковитовые), сильно пропитанные желѣзомъ, съ залегающими въ нихъ небольшими гнѣздами и прослойками кварца. Съ ними связаны изверженныя породы: граниты съ тѣлеснаго цвѣта полевымъ шпатомъ и біотитовой слюдой и какая-то зеленокаменная порода, ближе пока не опре-

дѣленная. Ниже начинаются глинистые и аспидные сланцы подстилающіе юрскія отложенія.—Уже верстахъ въ 15 отъ перевала начинается прекрасная обработанная казенная дорога, которая спускается длинными и частыми зигзагами изъ ущелья Клыча въ долину Кодора. Выйдя въ долину Кодора, дорога идетъ далѣе по прекраснымъ полянамъ, извѣстнымъ подъ названіемъ Ажыра, покрытымъ множествомъ плодовыхъ деревьевъ и служившимъ нѣкогда мѣстами поселеній воинственнаго абхазскаго племени Цебель. Затѣмъ, начиная отъ впаденія въ Кодоръ Чхалты, она идетъ по крутому берегу самаго Кодора, въ густомъ буко-каштановомъ лѣсу. Начиная съ Чхалты, мы вступили въ область юрскихъ известняковъ и песчаниковъ, прорѣзанныхъ мѣстами выходами миндалекаменныхъ и зеленокаменныхъ породъ. Разстояніе отъ Чхалты до Латы (40 вер.) мы легко сдѣлали за одинъ день. Отъ Латы до Сухума идетъ очень хорошая верховая дорога, описанная уже многими путешественниками, почему я о ней распространяться не буду; 56 верстъ, отдѣляющихъ Латы отъ Сухума, легко пройти по этой дорогѣ въ одинъ день.

Примѣчаніе. Определенія горныхъ породъ, собранныхъ за лѣто 1890 г., сдѣланы главнымъ образомъ профессоромъ Новороссійскаго Университета Р. А. Пренделемъ и Лаборантомъ того же Университета М. Д. Сидоренко, которымъ я и приношу свою благодарность.

Н. Албовъ.

Одесса, май 1892 года.